

Обзоры и рецензии

Историческая социология сельско-городского развития Дж. К. Скотта: против упрощений

АЛЕКСАНДР М. НИКУЛИН

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7623-7985

Рекомендация для цитирования:
Никулин А. М. (2024) Историческая
социология сельско-городского
развития Дж. К. Скотта: против
упрощений.
Социология власти, 36 (3): 223-239
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-223-239>

For citations:
Nikulin A. M. (2024) Historical
Sociology of Rural-Urban
Development by James Scott:
Against Simplifications. *Sociology of
Power*, 36 (3): 223-239
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-223-239>

Поступила в редакцию: 30.08.2024;
прошла рецензирование:
08.10.2024; принята в печать:
09.10.2024
Received: 30.08.2024; Revised:
08.10.2024; Accepted for publication:
09.10.2024

This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Copyright: © 2024 by the author.

Данная статья представляет собой критиче-
ский анализ историко-социологических работ
американского политического антрополога
Дж. С. Скотта (1936–2024) в значительной степе-
ни связанных с исследованием противоречий
общественного развития между городом и се-
лом. Эта проблематика особо глубоко и всесто-
ронне представлена прежде всего в моногра-
фиях Скотта его позднего интеллектуального
периода: «С точки зрения государства» (1998),
«Искусство быть неподвластным» (2006)
и «Против зерна» (2016). В этих работах Скотт
проанализировал, фактически в ретроспек-
тивном порядке, ряд узловых сельско-город-
ских противоречий и парадоксов обществен-
ного развития от эпохи высокого модернизма
XIX–XX веков до эры возникновения первых
городов-государств VI тысячелетия до нашей
эры. Свой анализ Скотт осуществил на основе
обширных региональных компаративистских
сравнений и междисциплинарных исследова-
ний на стыках истории, социологии, антропо-
логии, культурологии, экологии, политологии.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-
исследовательской работы государственного зада-
ния РАНХиГС.

Acknowledgements: The article was written on
the basis of the RANEPА state assignment research
program.

Через все эти исследования красной нитью проходит проблематика становления, развития и экспансии государственной власти в вопросах регулирования отношения между городом и деревней. С другой стороны, Скотт в вопросах государственно контролируемых взаимоотношений города и села выделяет проблематику влияния третьей силы, третьей стороны — значение так называемого безгосударственного, неоседлого варварства, анархии, вклинивающихся в регулирование сельско-городских противоречий.

Ключевые слова: город, деревня, государство, анархия, варварство, планирование, высокий модернизм, революция, ландшафт

The Historical Sociology of Rural-Urban Development by James Scott: Against Simplifications

Alexander M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7623-7985

224

This article is a critical analysis of the historical and sociological works of the American political anthropologist J. S. Scott (1936–2024). His works were largely related to the study of the contradictions of social development between the city and the village. This topic is presented especially deeply and comprehensively in Scott's monographs of his late intellectual period: 'Seeing Like a State' (1998), 'The Art of Being Ungovernable' (2006), and 'Against the Grain' (2016). In these works, Scott analyzed—practically in retrospective order—several key rural-urban contradictions and paradoxes of social development from the era of high modernism of the 19th–20th centuries to the era of the emergence of the first city-states in the 6th millennium BC. Scott based his analysis on extensive regional comparative studies and interdisciplinary research at the intersection of history, sociology, anthropology, cultural studies, ecology, and political science. The problem of the formation, development, and expansion of state power in matters of regulating relations between city and countryside are core themes of these works. On the other hand—in matters of state-controlled relations between city and countryside—Scott highlights the influence of a third force, a third party: the so-called stateless, unsettled barbarism and anarchy that wedges itself into the regulation of rural-urban contradictions.

Keywords: city, village, state, anarchy, barbarism, planning, high modernism, revolution, landscape

Крестьяновед Джеймс Скотт как урбанист

В этом году ушел из жизни Дж. К. Скотт (1936–2024) — один из самых замечательных обществоведов современной эпохи, чьи исследования всегда оказывались на пересечении таких разных дисциплин, как политическая антропология и социальная исто-

рия, историческая и аграрная социологии, культурология и социальная психология. Джим Скотт создал и на протяжении четверти века руководил знаменитой междисциплинарной программой аграрных исследований Йельского университета, одной из ведущих исследовательских программ мирового уровня. Переосмысливая его плодотворное междисциплинарное интеллектуальное и институциональное наследие, мы должны подчеркнуть парадоксальность того до сих пор мало осознаваемого факта, что Джим Скотт, один из отцов-основателей направления *peasant studies*, внес также весомый вклад в *urban studies*. Более того, ему часто удавалось успешно исследовать даже проблемы взаимодействия, взаимопересечения двух главных великих стихий существования человечества — сельской и городской жизни.

В этой связи обратимся для начала к названию и идеям первой книги Дж. С. Скотта «Моральная экономика крестьянства» [Scott 1976]. Подчеркнем, что ключевой термин «моральная экономика» американский автор позаимствовал, как известно, у своего старшего коллеги британского историка Э. П. Томпсона, который обосновал и развил этот термин в ряде своих работ 1960–1970-х годов, посвященных повседневности английских горожан-бедняков накануне промышленной революции [Thompson 1963; 1971; 1975].

225

В исследованиях как Скотта, так Томпсона подчеркивается значение особой этики выживания сельских и городских трудящихся, особо ярко, драматически проявившейся в социальных кризисах исторических переходов от традиционного (доиндустриального) к современному (индустриальному) обществу. Для Томпсона его историко-эмпирическое поле — это повседневность выживания ремесленников и рабочих Англии XVIII — начала XIX века, а для Скотта — это заботы крестьянских сообществ в ряде регионов Юго-Восточной Азии конца XIX — первой половины XX века.

Учитывая специфику жизни и работы горожан Томпсона в сравнении с крестьянами Скотта, можно все же отметить общие сельско-городские корни «моральной экономики», которые заключаются в требованиях сельско-городских трудящихся бедняков и внутри собственных сообществ, и в отношении сельско-городских элит нравственных гарантий поддержания определенного прожиточного минимума для всех социальных слоев. С развитием рыночного индустриализма, разрушающего традиционные миры патрон-клиентских отношений сначала в городе, а потом и на селе, властные элиты пробуют отказываться от своих традиционных моральных обязательств по отношению к подвластным. А это часто вызывает взрывы народного возмущения и гнева, воплощающиеся в бунтах городской бедноты и сельских восстаниях крестьян.

Подобному тому, как Томпсон гуманистически воссоздал чаяния, особенности повседневного поведения, стратегию этических и политических требований обитателей бедных кварталов английских городов на заре индустриализации, так и Скотт, по точному определению Шанина, своей книгой «...бросил вызов как романтизированным пасторальным описаниям сельских сообществ, так и вульгарному марксизму, рассматривающему крестьян как мелкобуржуазных конформистов (и как антитезис абстрактно-утопического пролетариата, безусловно, революционного “по своей сути”). Место мелкобуржуазных, отсталых или просто тупых крестьян занимает эмпирически обоснованный и куда более правдоподобный образ “стоящего по шею в воде”, но стратегически мыслящего о себе и о своей жизни человеческого существа, которого и природный катаклизм, и государственная политика, и местные начальники могут потопить в любой момент. Книга рассматривала ценностную систему взаимопомощи и приличий, которая возникает в подобных обществах и поддерживает их, а именно — социальную экономику и этику повседневного выживания их членов» [Шанин 2012: 12].

226

Надо отметить, что чуткие исторические социологи Томпсон и Скотт уловили в своих исследованиях сам дух периода слома традиционного образа жизни — в одном случае, среди английских горожан-бедняков (под воздействием начинающейся промышленной революции), в другом случае — среди крестьян Юго-Востока Азии (под воздействием экспансии рыночно-колониальной экономики). Именно в такие времена революционизирующих общественных перемен особенно зримой становится истина, сформулированная другим замечательным историческим социологом Баррингтоном Муром: «Революции рождаются не из победного клича восходящих классов, а из предсмертного вопля тех классов, над которыми вот-вот должна сомкнуться волна прогресса» [Мур 2016: 493].

Впоследствии в своих работах, сначала базируясь на материалах собственного сельского малазийского полевого исследования книги «Оружие слабых», а затем и на разнообразных примерах из монографии «Господство и искусство сопротивления через потаенные послания», Джим Скотт воссоздал континуум противостояния подвластных (часто бедных сельчан) своим властителям (чаще связанных с богатством городов).

В более поздних монографиях, в особенности в книгах «С точки зрения государства» и «Против зерна», Скотт ставил вопросы взаимодействия города и села с точки зрения воздействия экспансии государственных проектов на сельско-городское планирование. В фокусе двух этих исследований находятся совершенно разные исторические периоды, разделенные тысячелетиями. Проанализируем ретроспективно проблематику относительно современных

и очень древних государственных планов городского и сельского развития по Скотту.

Ретроспективная историческая социология сельско-городских государственных упрощений: от современно высокого модернизма до древнеглубинного огосударствления

Обратившись к основным идеям книги «С точки зрения государства», мы обнаружим, что здесь чрезвычайно важными являются два понятия: «высокий модернизм» и «упрощение».

Как Скотт честно отмечал, что понятие «моральная экономика» он заимствовал у Томпсона, так же Скотт признавал, что понятие «высокий модернизм» он заимствовал у замечательного британского социального географа Д. Харви. И так же, как в случае с Томпсоном, Скотт расширил, углубил и эффектно «проиллюстрировал» понятие «высокий модернизм», связав его с административным рвением любого государства, нацеленным на «приведение в порядок» природы и общества. Идеология высокого модернизма, сформировавшаяся и ярко проявившая себя в XIX–XX веках, по Скотту, есть «наиболее мощная, можно даже сказать, чрезмерно мускулистая версия веры в научно-технический прогресс, расширение производства, возрастающее удовлетворение человеческих потребностей, господство над природой (включая и человеческую) и, главное, в рациональность проекта социального порядка, выведенного из научного понимания естественных законов» [Скотт 2005: 24]. Автор утверждает, что «административный восторг», воодушевленный верой в «высокий модернизм», почти автоматически означает запуск цепной реакции всякого рода государственных планов и проектов упрощения окружающей действительности. А если еще оказывается, что в том или ином регионе в силу констелляции разнообразных военно-политических и социально-экономических причин вырастает мощь авторитарного государства и, как правило, соответственно уменьшается сила гражданского общества, и тогда жди беды от разгула бюрократических стихий жестко упрощенного упорядочивания природы и общества.

Основной перечень этих возможных упрощений содержится в оглавлении книги «С точки зрения государства», где в названиях частей, глав, параграфов непременно используется соответствующий термин: «Государственные проекты: прояснения и упрощения»; «Упрощение и стандартизация измерений»; «Землевладение: местная практика и финансовые упрощения»; «Приручение природы: четкое и упрощенное сельское хозяйство»; «Разновидности

сельскохозяйственного упрощения»; «Непредвиденные последствия упрощений»; «Упрощающие предположения сельскохозяйственной науки»; «Упрощенные методы научного сельского хозяйства»; «Неадекватные упрощения и практическое знание: метис» [Скотт 2005: 7-8] .

Но даже в тех разделах, где в названии отсутствует слово «упрощение», именно это понятие продолжает оставаться центральным для научного анализа. Сам подзаголовок книги «Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» раскрывается через разбор фиаско планов высокомодернистского упрощения условий человеческой жизни. Да и вся эта книга в значительной степени представляет собой коллекцию хрестоматийных всякого рода сельско-городских кейсов упрощения окружающей действительности.

Книга открывается историческим анализом описания системы выращивания регулярного и «правильного» леса, разработанной и внедренной в Германии, а затем по немецкому образцу и в других странах Запада к началу XIX века. Данная система позволяла за счет выбраковки так называемых «неправильных» деревьев, а также всякой другой «ненужной» растительности сконцентрироваться исключительно на ускоренном выращивании «регулярных» деревьев для дальнейшего их прагматического использования в рыночной экономике и государственном хозяйстве. Лес, очищенный от «низших» растительных рас, сначала показал стремительный рост столь нужных рынку и государству стандартных сортов древесины, но через пару лесных поколений вдруг стал болеть и погибать в катастрофических масштабах. Оказалось, упрощенное лесоводство зари эры высокого модернизма не учло сложности экосистемы, не поддающейся прагматично рациональным упрощениям. В результате германским лесоведам пришлось искусственным путем интродуцировать ту самую растительную «дрянь», от которой они ранее старательно избавлялись.

Мораль этой притчи «о регулярном лесе» красной нитью пронизывает описание иных случаев государственной политики упрощения жизни. Например, Скотт подробно анализирует ряд знаменитых проектов рационально организованных городов. Их стилистика различна. Реконструкция Парижа в виде роскошных буржуазных кварталов барона Османа XIX века, конечно, внешне отличается от функционального конструктивизма Ле Корбюзье или Оскара Нимейера века XX. Неизменным в этих проектах оставалось стремление к упрощенному пониманию общественных порядка, пользы, комфорта, связанных почти исключительно с задачами повышения эффективности государственного и рыночного контроля над обществом. И так же, как в случае с ра-

циональным лесоводством, в финале этих почти завершенных амбициозных проектов вдруг возникали проблемы новых социальных болезней и осложнений. Очаги социальной напряженности в Париже не исчезли, а лишь переместились в бунтарские предместья. В стерильно правильных домах и городах конструктивистов было так неуютно жить, что их обитатели вольно или невольно привносили в среду обитания старую добрую неправильность и «иррегулярность».

Еще более драматически непредсказуемыми по своим последствиям оказались опыты высокого модернизма в области реформирования сельского хозяйства. Скотт показывает, как в 1920-е годы среди аграрных технократов США и СССР вызревали амбициозные планы создания громадных аграрных фабрик зерна и мяса по образцу гигантов городской индустрии. Но воплощение в жизнь этих проектов столкнулось с массой трудностей, связанных как с непознанностью сил природы, так и со сложностью человеческих мотиваций. Массовое применение технологий сопровождалось ненамеренными, а порой умышленными ошибками работников агрогигантов, что привело к экономическим провалам. Высокая забюрократизированность при низкой эффективности сопровождалась широкой бесхозяйственностью — и это несмотря на драконовские сталинские меры коллективизации. Печальные аналоги советского опыта Скотт находил в китайских, танзанийских, эфиопских аграрных реформах, также направленных на создание образцовых сельских поселений, коммун, деревень с рационально организованным крупным аграрным производством. Бюрократическое, часто насильственное привнесение абстрактных индустриально-урбанистических идеалов в сельскую жизнь обернулось разрушением не только традиционных укладов, но и создавало уродливый и малоустойчивый социалистический мир, подверженный рискам депопуляции и экологических катастроф. Впрочем, и в США, как подчеркивает Скотт, высокий агротехнократизм с его тотальной химизацией почвы, экспансией монокультур рыночно ориентированных сортов растений и пород животных столь же непредсказуемо и порой губительно упрощал цветущую сложность сельской жизни. Исследователь приходил к выводу: «Похоже, что радикально упрощенные проекты социальной организации подвержены риску неудачи не меньше, чем проекты радикального упрощения окружающей среды. Неэффективность и уязвимость монокультурных коммерческих лесов и генетически программируемой, механической монокультурности аналогичны неудачам коллективных хозяйств и спланированных городов. В связи с этим я здесь отстаиваю жизнеспособность социального и природного разнообразия и подробно показываю прин-

ципиальную ограниченность нашего знания о функционировании сложных систем» [Скотт 2005: 24].

В конце книги Скотт, анализируя причины фатальных провалов проектов высокого модернизма, указывал, что одна из главных ошибок заключалась в игнорировании локального знания, а также альтернативных ситуативных решений.

Но когда, с чего, в какие времена начались процессы государственного упрощения окружающей действительности? Логично заключить, что они возникли вместе с первыми государствами. Именно этому сюжету посвящена книга «Против зерна. Глубинная история древнейших государств» [Скотт 2020]. Работа основана на новейших историко-социологических данных, в основном собранных в междуречье Тигра и Евфрата, где и возникали первые в мире государства. Тщательно изучая хронику позднего неолита, когда на протяжении тысячелетий происходил чрезвычайно медленный и отнюдь не линейный переход от первобытных сообществ охотников, собирателей, рыболовов к первым очагам становления земледелия и животноводства, Скотт полемизирует с традиционным нарративом о том, что оседлый образ жизни с его пахотным земледелием оказался великим благостным фундаментом цивилизации, которая лишь прогрессивно укреплялась, развивалась и совершенствовалась. По его мнению, переход от безначальственного неолита к бронзовому и железным векам был переполнен всякого рода социальными катаклизмами, в которых позитивное значение государств сильно преувеличено — прежде всего потому, что историю со времен изобретения письменности и по сию пору в основном пишут и контролируют сами государства в лице своих чиновников-историков-хроникеров.

230

Если же реконструировать историю становления земледельческой цивилизации с догосударственных, дописьменных времен, то можно обнаружить, что первые *упрощения* природы и человека возникают вместе с процессами приручения-одомашнивания огня, растений, животных. Скученность приводила к возникновению первых эпидемий, которые по сей день наиболее разрушительны именно в городских центрах концентрации человеческой жизни и активности. Как отмечает Скотт, люди вплоть до XX века не понимали истинных причин моровых поветрий, однако инстинктивно стремились бежать в соответствующих ситуациях из городов в малонаселенные местности.

Скотт признает, что выбор пути развития сельского хозяйства к концу неолита был безальтернативен: демографический рост оставлял охотникам и собирателям все меньше пространства для маневра, они были вынуждены интенсифицировать трудозатраты, все чаще обращаться к оседлому земледелию, к тому же поголовье

крупной дичи сокращалось вплоть до полного исчезновения. Однако, как подчеркивает Скотт, выращивание урожая и разведение скота в неолите не считались главными способами пропитания из-за затрачиваемых на них трудовых усилий, заключавшихся в значительной степени в необходимости обороны упрощенного искусственного ландшафта от исключенной из него прочей природы: сорняков, птиц, грызунов, насекомых, грибковых инфекций, особо угрожающим монокультурам. В таких условиях оседлое земледелие являлось не только трудозатратным, но уязвимым и хрупким.

Вот тогда, где-то между древнейшими безгосударственными селами и даже городами, возникавшими на первых порах только в исключительно благоприятных для земледелия условиях, стали появляться и самые первые государства, которые концентрировали власть через контроль, накопление, распределение прежде всего зерновых культур — проса, пшеницы, риса, а в Новом Свете — кукурузы. По мнению Скотта, исключительный и своеобразный редукционизм концентрации зерна лежал в основании первых проектов развития и экспансии государств, которые стали также концентрировать подневольный труд — прежде всего для дальнейшего роста производства зерновых как основы дальнейшей экспансии. Древняя агроэкология этих государств, возникавших в плодородных дельтах и долинах Месопотамии, также была чрезвычайно хрупкой. Основанная на зерновых монокультурах она была уязвима для климатических изменений, эпидемий, войн за продовольствие и рабов. Как результат, политический порядок этих протогородов-государств часто был недолговечен. Они возникали так же стремительно, как и исчезали. Но главное: человечество не спешило вливаться в первые государственные очаги упрощающего прогресса. Наоборот, на протяжении тысячелетий древние государства являлись небольшими пятнами, то появлявшимися и расширявшимися, то уменьшающимися и исчезающими на просторах безгосударственной жизни. И долго еще, вплоть до второго тысячелетия нашей эры, большая часть человечества предпочитала безгосударственный образ жизни охотников, собирателей, кочевников и прочих «варваров», постоянно наносивших своими набегами и миграциями значительный, порой фатальный урон древним и средневековым государствам.

По мнению Скотта, естественное богатство природных и человеческих ритмов жизни было присуще и доступно именно охотникам и собирателям, вслушивающимся, вчувствующимся, вживающимся в окружающий их мир. Земледельцы, связанные одной зерновой пищевой сетью и скованные одной цепью государственного контроля за зерновыми, подчинялись гораздо более обедненному и упрощенному ритму: «Не будет преувеличением сказать, что по сложности охота и собирательство отличаются от зернового

земледелия так же, как оно — от монотонной работы на современной сборочной линии: каждый из названных видов деятельности представляет собой очередной шаг в сторону сужения перспективы и упрощения решаемых задач» [Скотт 2005: 112].

Идя наперекор господствующему мнению, Скотт заявляет: «Я испытываю искушение назвать позднеолитическую революцию со всем ее вкладом в становление крупных обществ деквалифицирующей и упрощенческой... Если это слишком мрачное изображение прорыва, ответственного за саму возможность становления цивилизации, то давайте по крайней мере признаем, что он снизил интерес нашего вида к практическому знанию о мире природы и сократил наш рацион, жизненное пространство и богатство ритуальной жизни» [2005: 114].

Лишь в одном Скотт соглашается с расхожими суждениями: в конечном счете именно одомашнивание растений и животных обеспечило уровень оседлости, необходимый для формирования фундамента первых цивилизаций со всеми их культурными достижениями. Впрочем, и здесь он критически подмечает, что генетическая основа этого фундамента чрезвычайно тонка и хрупка: «... горсть злаков, несколько видов домашних животных и предельно упрощенный ландшафт, который приходилось постоянно удерживать от возврата в лоно дикой природы. И при этом домашняя усадьба никогда не была близка к самодостаточности. Ей постоянно были нужны дотации исключенной из хозяйственного оборота природы: древесина на топливо и для строительства, рыба, моллюски, выпасы скота в лесу, мелкая дичь, дикорастущие овощи, фрукты и орехи. В случае голода земледельцы прибегали ко всем внедомохозяйственным ресурсам, которые обеспечивали пропитание охотников-собирателей» [Скотт 2005: 135].

Чем действительно ознаменовался, по мнению Скотта, приход цивилизованной государственности, так это возникновением стен вокруг городов, ставших безошибочной приметой оседлого земледелия — знаком хранения продовольственных запасов. В «Эпосе о Гильгамеше» легендарный основатель государства приступает к строительству городских стен — предполагается, для защиты собственного народа. В этой связи Скотт задается вопросом: «Следует ли считать создание государства результатом совместных усилий (возможно, общественного договора) подданных-земледельцев и их правителя... по защите урожаев, семей и скота от нападений других государств или безгосударственных народов?» [Скотт 2005: 161]. И сам же отвечает на него: «На самом деле все было намного сложнее. Как земледелец пытался защитить свой урожай от хищников (людей и нелюдей), так и государственные элиты были заинтересованы в охране “мышечного каркаса” своей власти — земле-

дельческого населения и зернохранилищ, привилегий и богатств, политических и ритуальных полномочий» [Скотт 2005: 162].

В подтверждение этой версии Скотт ссылается на работы Оуэна Латтимора и ряда других авторов, полагавших, что Великая Китайская стена создавалась не только для сдерживания варваров-кочевников на границах империи, но для удержания китайских земледельцев-налогоплательщиков, чтобы они не сбежали из этой самой империи. Так городские стены внутри своего периметра должны были сохранить не только внешние, но и внутренние основы государственности. Важнейшая задача этих стен заключалась в обозначении пределов политического контроля государства [Lattimore 1987].

В целом возникающее в позднем неолите искусство государственного строительства заключалось в особой политической концентрации ландшафта для упрощения обогащения элит (больше зерновых — больше людей), а также в создании соответствующих информационных технологий (письменных записей), которые облегчали доступ государств к ресурсам.

Впрочем, отмечает Скотт, именно амбициозные усилия потщательному (вширь и вглубь) исключительно политическому проектированию пространства порой становились причиной гибели знаменитых древних государств. Например, зарегламентированная донельзя Третья династия Ура просуществовала менее столетия, а знаменитая китайская династия Цинь и того меньше — лишь пятнадцать лет.

Исследователь особо подчеркивает, что изобретение письменности неразрывно связано с государственным управлением. Он иронически замечает, что письменных текстов о государственном управлении со времен Древнего Вавилона и по сию пору гораздо больше, чем лирических текстов о любви. Археология показывает, что без иерархии чиновников, генерирующих административно-документальную коммуникацию, применение письменности резко сокращается (а то и исчезает вовсе). К тому же в древнейших государствах письменно грамотным являлся прежде всего узкий слой чиновников. Тем не менее Скотт неоднократно подчеркивал, что выдающаяся культура может существовать даже и без письменности. Например, в так называемые «темные века» древнегреческой истории (1200–800 годы до н. э.), когда греки утратили письменность, их культура не исчезала, но сохранялась и развивалась в устных формах — именно в этот период изустно создавались и запоминались «Илиада» и «Одиссея», записанные позже.

В целом критика Скоттом как модернистских, так и древнейших государств показала неоднозначность прогрессистской исторической модели, подразумевающей, что городская жизнь приходит на смену сельской, из городов развиваются государства, распро-

страняющие свою власть на окружающую местность. Скотт показал в различных работах, что и в неолитической, и в современной сельской и городской жизни есть пространства внесударственного существования, находящиеся в своеобразном сельско-городском симбиозе противостояния государственному контролю.

Те, кто не хочет испытывать на себе прелести государственного контроля в городе или на селе, с древности и почти по сию пору придерживались бродячего образа жизни охотников, собирателей, рыболовов в лесах, или принадлежит к кочевым народам степей и гор, пустынь и тундр. В былые времена из глубин этих труднодоступных территорий безгосударственно организованные кочевники совершали набеги на села и города государств, которые клеймили этих анархистов варварами, не понимающими и не принимающими прелестей одомашненной огосударственной жизни.

Всемирная история сельско-городского противостояния анархистствующих «простецов» и государственных «упрощенцев»

234

Вновь вернемся к монографии Скотта «С точки зрения государства». Вдосталь раскритиковав прожектерство высокого модернизма, в последней части своей книги он задается рядом вопросов. Что может противостоять упрощенческим амбициям высокого модернизма? Какого рода знания и действия необходимы нам для корректировки влияния абстрактно-технократического бюрократизма? Этот фрагмент представляет собой упражнение в своеобразной исторической социологии знания. Скотт обращается к аналитическому разделению видов человеческого знания, предложенного еще древнегреческими философами, на эпистеме, техне и метис. Эпистеме — это преимущественно абстрактно философское знание, техне — преимущественно инженерно-технократическое, метис — по сути, практическое, ситуативное, локальное знание. Именно последний тип знания — метис — знание местного локального здравого смысла, является народным, негосударственным, часто анархически ориентирующимся по текущим обстоятельствам переменчивой природы и спонтанности общества. Метис — знание, почерпнутое не из книг и инструкций. Это знание динамичное и пластичное, находящееся и возникающее в гуще природно-социальных явлений повседневности мира. Именно это знание столь часто игнорировалось и даже искоренялось в ходе воплощений в жизнь амбициозных проектов как древних, так и современных государств. Оно клеймилось как отсталое, невежественное, варварское часто потому, что трудно кодифицировалось, казалось досадным и никчемным

препятствием на пути упрощения окружающей действительности во имя прогрессивного государственного контроля. Но часто именно игнорируемый властями и презируемый метис сохранял человечество от оскудения за счет богатства проявлений «моральной экономики», «оружия слабых», «потаенных посланий», «безгосударственного существования».

Скотт с тревогой отмечал, что метис, несмотря на свою пластичность, подвергся фатальным деформациям. Например, в отношении локальных практик власти ученый отмечал: «На протяжении последних двух столетий привычные устои рушились с такой скоростью, что следовало бы называть это их массовым вымиранием — чем-то сродни ускоренному исчезновению видов. Причина этого вымирания аналогична биологической: утрата мест обитания... Главный виновник — не что иное, как государство, в частности, современное государство, заклятый враг анархистов. Его развитие и повсеместное распространение вытеснило, а затем и уничтожило множество прежних форматов политического устройства: рода, племена, вольные города и их союзы, общины и империи. На их месте теперь повсюду лишь одна форма политического устройства — сформировавшееся в XVIII веке североатлантическое национальное государство, притворяющееся универсальным» [Скотт 2019: 64].

235

Скотта также беспокоило «переписывание» сельско-городских катаклизмов войн и революций все с теми же целями упорядочения и упрощения пропаганды общественного развития в перспективе государственной идеологии. Ситуация осложняется тем, что противостояние населения государству принимало в истории по большей части форму малозаметной рассредоточенной повседневной борьбы с применением оружия слабых. Именно поэтому Скотт формулирует еще одно чрезвычайно важное аналитическое понятие своего словаря — «инфраполитика»: «Напрасно мы будем искать у крестьян и в большинстве случаев у рабочего класса в ранний период его истории какие-либо формальные организации и публичные проявления несогласия. В этом случае мы имеем дело с тем, что я называю “инфраполитикой”, потому что она осуществляется за пределами видимого спектра того, что обычно считается политической деятельностью. Государство исторически препятствовало самоорганизации низших классов, не говоря уже о публичном неповиновении. Для подчиненных групп такая политика опасна. Они, как и партизаны, в большей или меньшей степени смогли понять, что расправы помогают избежать рассредоточенность и малое число участников» [Скотт 2019: 72].

В конце концов какое бы примечательное историческое событие ни происходило, официальные хроникеры власти постараются приписать *ему упрощающую логику и упорядоченность*, несмотря

на всю сложность и противоречивость того, что чувствовали непосредственные участники, а также на неотъемлемый элемент случайности. От себя заметим, что, возможно, своего рода чемпионом среди манифестов политического упрощения истории на примере русской революции и ее последствий является сталинский краткий курс истории ВКП(б) [Краткий курс... 2014]. «Тенденция подчищать, упрощать и спрессовывать исторические события в удобную форму — это не только естественная склонность людей или необходимость, вызванная нехваткой места на страницах учебников. Это еще и часть политической борьбы, ставки в которой высоки» [Скотт 2019: 81]. И конечно, такие события, как Великая революция 1917 года в России или Великая Французская революция, были явлениями, в которых огромное количество участников абсолютно не представляло, чем все закончится в итоге.

236

Размышляя над событиями Русской революции, Скотт, например, соглашался с теми, кто утверждал, что, в сущности, большевики мало чего сделали для того, чтобы революция началась. Но зато, как выразилась Ханна Арендт, «большевики увидели, что власть лежит на дороге, и подняли ее» [Арендт 2011: 64]. А в целом события 1917 года характеризовались невероятной запутанностью и спонтанностью. В чем историки единодушны, полагает Скотт, так это в том, что рабочие Москвы и Санкт-Петербурга, хотя и не удовлетворенные условиями своей жизни и настроенные весьма воинственно, все же не собирались брать в свои руки заводы и фабрики. Также большинство современных историков признает, что накануне революции большевики не имели решающего контроля над рабочими массами, а среди крестьянства вообще были малоизвестны.

Но вот большевики пришли к государственной власти и принялись писать свою историю так, как будто не было никакой случайности, замешательства, спонтанности, игнорируя в своей версии событий значение других революционных настроений, движений, партий. Теперь «их» победившая история концентрировалась лишь на предвидении, целеустремленности и мощи партии нового типа. Когда в соответствии с ленинскими идеями брошюры «Что делать?» основными двигателями исторического процесса большевики утверждали прежде всего себя [Ленин 2021]. Скотт заключает: «Учитывая, что их власть в 1917–1921 годах была очень непрочной, большевики были очень заинтересованы в том, чтобы убрать революцию с улиц в музеи и школьные учебники как можно быстрее, чтобы люди не вздумали повторить ее еще раз. В общем, они сделали все, чтобы представить революционный процесс естественным следствием исторической необходимости, легитимизируя тем самым “диктатуру пролетариата”» [Скотт 2019: 109].

Один из любимейших русских писателей Скотта — Андрей Платонов, современник Русской революции, гениально отобразивший в своих произведениях 1920-х годов волны непредсказуемо спонтанной жизни ее бродячих антигосударственных героев-простецов среди сел и городов времен Гражданской войны, в своей сатирической антибюрократической повести «Город Градов» (1926) словами одного чиновника-прожектора так отобразил суть упорядочения постреволюционного государственного понимания истории: «Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расплывшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей» [Платонов 1987: 7].

Именно противодействию подобного рода фатально упрощенному бюрократическому видению смыслов революции и эволюции древней и новой региональной и всемирной, сельской и городской истории человечества противостоит анархическая историческая социология Дж. С. Скотта.

Библиография / References

237

- Арендт Х. (2011) *О революции*. — М.: Издательство «Европа», 2011. EDN: QPTTAF
- Arendt H. (2011) *On Revolution*. М.: Izdatelstvo “Europa”. — in Russ.
- «Краткий курс истории ВКП(б)». *Текст и его история*. (2014) В 2 частях. Часть 1. История текста «Краткого курса истории ВКП(б)». 1931-1956. Сост. М. В. Зеленев, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН.
- “A Short Course in the History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)”. The text and its history. (2014) In 2 parts. Part 1. History of the text of “A Short Course in the History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)”. 1931-1956. Compiled by M. V. Zelenov, D. Brandenberger. Moscow: ROSSPEN. — in Russ.
- Ленин В. И. (2021) *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. — М.: URSS.
- Lenin V. I. (2021) *What is to be done? Urgent issues of our movement*. — М.: URSS.
- Мур Б. (2016) *Социальные истоки диктатуры и демократии: роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики.
- Moor B. (2016) *Social origins of dictatorship and democracy: the role of the landowner and the peasant in the creation of the modern world*. — М.: Publishing house of the Higher school of economics. — in Russ.
- Никулин А. М. (2012) От одомашниваний в неолите к оседлости в империях: концепция истории борьбы между государством и варварами Дж. Скотта. *Социология власти*, (4-5): 17-33. EDN: RCHOIL
- Nikulin A. M. (2012) From Neolithic Domestication to Imperial Settlement: J. Scott’s Conception of the History of Struggle Between State and Barbarians. *Sociology of Power*, (4-5): 17-33. — in Russ.

Никулин А. М. (2022) Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям. *Социологическое обозрение*, 21(3): 202-228. EDN: НВРАНУ. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-202-228>

— Nikulin A. M. (2022) James Scott and Alexander Chayanov: From the Peasantry through revolutions, to the states, and anarchies. *Russian Sociological Review*, 21(3): 202-228. — in Russ. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-202-228>

Платонов А. *Потомки Солнца. Рассказы и повести*. М.: Правда, 1987.

— Platonov A. (1987) *Descendants of the Sun. Stories and Novels*. М.: Pravda. — in Russ.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства*. М.: Университетская книга. EDN: QOEPBJ

— Scott J. S. (2005) *By the Good Intentions of the State*. М.: University Book. — in Russ.

Скотт Дж. С. (2017) *Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии*. М.: Новое издательство.

— Scott J. C. (2017) *The Art of not Being Governed: An Anarchic History of Upland Southeast Asia*. М.: New Publishing House. — in Russ.

Скотт Дж. (2019) *Анархия нет, но да!* М.: Радикальная теория и практика.

— Scott J. C. (2019) *Anarchy No, But Yes!* М.: Radical Theory and Practice. — in Russ.

Скотт Дж. С. (2020) *Против зерна. Глубинная история древнейших государств*. М.: Издательский дом «Дело». EDN: XSSHZD

— Scott J. C. (2020) *Against the Grain. The Deep History of the Earliest States*. М.: Delo Publishing House. — in Russ.

Тюнен И. Г. (1926) *Изолированное государство*. М.: Экон. жизнь.

— Tyunen I. G. (1926) *Isolated state*. М.: Ekon. life. — in Russ.

Шанин Т. (2012) Об этнографической социологии Джеймса Скотта. *Социология власти*, (4-5): 9-16. EDN: RCHOIB

— Shanin T. (2012) On the ethnographic sociology of James Scott. *Sociology of power*, (4-5): 9-16. — in Russ.

Шанин Т. (1999) Эксплоярные экономики: политэкономия общественных общин. *Неформальная экономика. Россия и мир*. М.: Логос: 545-554.

— Shanin T. (1999) Expolar Economies: Political Economy of Social Margins. *Informal Economy. Russia and the World*. М.: Logos: 545-554. — in Russ.

Boserup E. (1965) *The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure*. Chicago: Aldine; London: Allen & Unwin.

Clastres P. (1987) *Society against the State*. New York: Zone Books.

Harvey D. (1989) *The condition of postmodernity: An inquiry into the origins of social change*. Oxford: Basil Blackwell.

Pournelle J. (2003) *Marshland of Cities: Deltaic Landscapes and the Evolution of Early Mesopotamian Civilization*. University of California at San Diego.

Scott J. C. (1993) *Domination and the art of resistance: hidden transcripts*. New Haven: Yale University Press.

Thompson E. P. (1963) *The Making of the English Working Class*. London, UK: Victor Gollancz Ltd. p. 848.

Thompson E. P. (1971) The moral economy of the English crowd in the eighteenth century. *Past & Present*, 50(1): 76-136.

Thompson E. P. (1975) *Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act*. London: Allen Lane, 1975.

Никулин Александр Михайлович — к.э.н., директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; директор Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. Научные интересы: историческая и аграрная социология, экономическая история.

ORCID: 0000-0001-7623-7985. E-mail: harmina@yandex.ru

Alexander M. Nikulin — PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. Research interests: historical and rural sociology, economic history.

ORCID: 0000-0001-7623-7985. E-mail: harmina@yandex.ru